

Анастасия Соснина: «Люди, которые исключены, все больше и больше маргинализируются, у них создается свое сообщество – сообщество заключенных, алкоголезависимых, наркозависимых...»

Я социальный работник Фонда содействия защите здоровья и социальной справедливости имени Андрея Рылькова. Хочу поблагодарить за возможность участвовать в конференции Горбачев-Фонда и Фонда «САМЮ Сосьяль Москва».

Тема моего сообщения – это влияние политики социального исключения на работу с наркозависимыми. Пока расскажу пару слов о нашем Фонде. Каждый день мы выходим на улицы Москвы, встречаемся с потребителями инъекционных наркотиков на улице и занимаемся профилактикой социально значимых заболеваний. Это ВИЧ, гепатит. Оказываем медицинскую помощь людям на улице, юридическую помощь. У нас есть проект «Уличные юристы». И таким образом, то, что мы видим, - это прямые последствия того, что мы видим на улице, и проявления и последствия социального исключения.

Как нам кажется, то, что мы видим, когда сталкиваемся с ситуацией социального исключения, что в его основе лежит несколько установок. Это прежде всего предположение, что репрессивные методы создадут мотивацию к изменениям, чем хуже человеку становится, тем ему больше будет хотеться вернуться обратно в социум. У тех людей, которые их изгоняют, есть такое предположение.

Также основанием для социального исключения являются стереотипы, которые существуют у наркозависимых, то есть кажется, что люди употребляют наркотики для развлечений, и у них нет проблем.

Также социальное исключение выбирается как «легкий путь» (указано в кавычках), потому что всегда легче отделить что-то, чем разбираться с этим. Но подробнее о том, как происходит социальное исключение.., как раз Мишель Фуко прекрасно об этом сказал, и можно отправить к его классическим трудам.

Я позволю себе перечислить те проявления социального исключения, с которыми мы встречаемся. Это отказ предоставления медицинской помощи. Он может быть связан и с тем, что у человека нет документов. И даже здравпункт для бездомных не может помочь, потому что здравпункт больше обращает внимание на острое состояние, а не на хронические заболевания, которыми страдают бездомные. Также отказ связан с тем, что человек употребляет наркотики, и очень часто на этом основании врач говорит: уходи отсюда, ты наркоман, сначала перестань употреблять наркотики, а потом будешь лечиться.

Если получается устроиться в медицинское учреждение, то даже там потребители наркотиков сталкиваются с тем, что им не оказывается наркологическая помощь. Таким образом, лечение неэффективно, потому что они зависимы и вынуждены уходить, покидать больницу.

Также мы сталкиваемся с тем, что потребителей наркотиков лишают родительских прав. Рынок труда закрыт для потребителя наркотиков. Тюремное заключение – люди попадают в тюрьму. И очень важную вещь во всем этом играет также и внутренняя сигма, когда потребитель наркотиков думает о том, что он ничего не достоин, и то отношение, которое он встречает, закономерно.

Как следствие получается, что люди, которые исключены, все больше и больше маргинализируются, у них внутри создается свое сообщество – сообщество заключенных, алкоголезависимых, наркозависимых. Как следствие растет число ВИЧ-инфицированных как внутри потребителей наркотиков, так и среди остального населения.

Я решила рассказать коротко о трех случаях, которые в последнее время были в работе. Люди согласились, что будут указаны их настоящие имена. С ними это согласовано. Лена – наша участница, которую лишили родительских прав на основании факта употребления наркотиков. Все действия организаций, которые уполномочены помогать в данной ситуации справиться человеку с проблемой, сводились к тому, что ей читались

моральные нотации, ей говорили: прекрати употреблять, посмотри на себя. Это органы опеки и попечительства и Центр помощи семье и детям. Они предлагали какие-то варианты: вместо употребления наркотиков она может, например, вязать или вышивать. Также этими органами транслировалась позиция, что все равно у нее ничего не получится, даже если она пойдет и попытается это сделать, все равно она уже закончила свою жизнь, несмотря на то, что ей 30 лет, у нее трое детей. На детей не влияет факт ее употребления наркотиков. Дети накормлены, хорошо учатся, дома сделан ремонт. Для органов опеки это не имеет значения.

Следующий случай – это Николай. Он гражданин Украины, оказался на улице из-за своей зависимости. Приехал зарабатывать деньги в Москву, продолжал употреблять, поскольку он уже семнадцать лет наркозависимый. И вновь оказался на улице. Из-за этого он не мог получить медицинскую и наркологическую помощь, несмотря на свое желание. Он обратился к нам в Фонд, поскольку хотел этого, но, действуя в рамках официальных социальных служб, этого сделать не удалось.

Третий пример. Человек оказался в тюрьме из-за того, что у него не было документов. Он совершил незначительное преступление, но сочли возможным его лишить свободы, поскольку нет документов и нет уверенности, что он некуда не скроется.

Существует альтернатива этому социальному исключению, то, на что можно опираться в работе, и то, что мы стараемся делать. Это прежде всего помощь вместо наказания, создание низкопорогового сервиса, то есть услуги должны предоставляться в том месте и в то время, которое удобно для человека, которому предоставляются эти услуги. Поэтому мы выходим на улицы. Должно быть у человека как можно больше возможностей выбора, чтобы были сервисы. Например, в Москве до сих пор не существует такого места, где можно принять душ. Да, есть пункты дезинфекции, где можно пройти обработку от педикулеза. Но такого места, где можно просто принять душ для бездомного, просто нет в Москве.

Очень важно в работе опираться на клиентоцентрированность и слышать то, о чем говорит человек, который принимает решения относительно своей жизни, даже если он на улице и потребитель и бездомный, тем не менее с ним можно разговаривать и совместно с ним разрабатывать план его социальной адаптации.

И очень важно также включать в оценку собственной деятельности, спрашивать у людей, с которыми работаешь, о том, насколько эффективны те услуги, которые им были предоставлены. Это тоже поможет сохранять связь с реальностью.

Из всего этого следует, что надо принимать особенности человека и стремиться к тому, чтобы он был не клиентом, а равным, то есть становился участником этой программы.

Теперь расскажу об этих случаях, которые вначале казались безысходными, но каким образом удалось преодолеть эти ситуации. В случае с женщиной, которая была лишена родительских прав, была проведена семейная групповая конференция. Это такая форма работы, когда приглашаются семья и специалисты, которые занимаются с семьей. Семья выработала план по лечению. И сейчас Лена уже проходит курс лечения, устраивается на работу и активно участвует в процессе восстановления родительских прав. Потому что в рамках этой работы удалось именно активировать ресурсы семьи, и была оказана помощь без эмоций, когда читаются нотации и что-то еще.

Случай человека, который оказался в тюрьме без документов. Там подключился наш социальный работник в судебный процесс. И тогда была оспорена, изменена мера пресечения, поскольку была доказана неправомочность этой меры. И человек с Украины, дружественный хирург проекта помог ему, проконсультировал его. Он стал лечить ноги. Через социальные сети, через Фейсбук в Интернете мы нашли возможность, чтобы его включили в бесплатную реабилитационную программу «Центр здоровья молодежи», и бесплатно, и без документов это было осуществлено.

Подводя итог сказанному, хочется напомнить слова австралийского социального работника о том, что человек и проблемы – это не одно и то же, что человек – это человек, а проблемы – это проблемы. Они отдельны. Это необходимо отделять в работе и ориентироваться на это.